

П. Пирлинг

Дмитрий Самозванец

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Пирлинг**
Дмитрий Самозванец / П. Пирлинг – М.: Книга по Требованию, 2021. –
240 с.

ISBN 5-85880-378-4

Автор рисует личность Лжедмитрия I на широком историческом фоне, используя данные русских и западно-европейских исторических документов. Многие положения Пирлинга и его взгляд на Лжедмитрия представляют исключительный интерес. В книге ученого патера Пирлинга Дмитрий самозванец освещается критический период русской истории, от исчезновения династии царей, прямых потомков Рюрика и Владимира Святого, до раннего периода смутного времени. Автора прежде всего интересовали отношения России с Римской католической церковью в этот период времени. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся русской историей.

ISBN 5-85880-378-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П. Пирлинг, 2021

Пирлинг
Дмитрий Самозванец

КНИГА ПЕРВАЯ

Легенда об императоре

Глава I КОНЕЦ ОДНОЙ ДИНАСТИИ

I

Иван Грозный оставил после своей смерти чрезвычайно тяжелое наследство. Конечно, не хилому Федору было справиться с такой ношей. Молодой царь не имел ничего общего с мрачным гением своего отца. Ряся инока была ему больше к лицу, чем роль свирепого и коварного деспота. Честолюбивый выскочка, от надменности переходивший к грубости, сам Борис Годунов не мог, в конце концов, остаться господином положения. В сетях злого обмана и всеобщего предательства, в руках грабителей и хищников всякого рода, во власти чужеземных врагов Русское государство восстало против самого себя. Казалось, ему грозило окончательное крушение. Избегнуть этой участи ему помогло лишь стихийное и грозное пробуждение национального чувства.

Исследуя происхождение смуты и ее скрытые причины, историк восходит к мрачной поре опричнины и углубляется еще дальше в прошлое. Уже давно великий князь московский превратился в византийского базилевса. Уже давно потомки удельных князей стали его слугами, а новая знать, возвеличенная милостями государя, начала вытеснять собой старых бояр-князей. Все подвергалось нивелировке вокруг московского трона, и этот процесс, естественно, отразился на строе тогдашнего землевладения. Здесь, за счет прежних хозяев земли, правительство стало обогащать новых своих слуг, наделяя их земельными участками. Иван IV возвел в политическую систему массовое переселение — «переборку» — подозрительных элементов: на их место он сажал служилых людей, несущих на себе податное тягло. За исключением незначительной группы привилегированных лиц, гнет этого режима почувствовало все общество, от знатных людей до самых худородных. Права всех были нарушены; интересы грубо попирались; завязалась жестокая борьба; начались репрессии; возникла крамола. Назревал страшный социальный кризис; он приближался медленно, но верно. Гроза разразилась тогда, когда династия могучих людей, создавших величие Москвы, стала вырождаться, а затем и вовсе сошла со сцены.

Казалось, что плодovitое дерево дома Рюриков смело устоит перед веками: не даром этой династии было тесно в границах Древней Руси. Желая наделить каждого из многочисленных детей своих земель, великий князь Владимир не остановился перед раздроблением своего государства. Прежнее единство Руси более или менее воссоздано было вновь при Ярославле Мудром. Но тотчас за ним наследники опять поделили между собой национальную территорию: каждый из них стремился к возможно большей самостоятельности.

Анархия, порожденная княжескими усобицами, продолжалась до самого конца XV века. Бывала ли Русь вполне независима или же тяготело над ней его монголов — все равно со смертью каждого князя она распадалась все больше и больше. Порой, при благоприятных обстоятельствах, эти осколки государства вновь собирались воедино, но лишь затем, чтобы опять раздробиться еще

мельче. При таких условиях, естественно, возникали родовые распри; происходили вражеские набеги; население подвергалось военным репрессиям; страну раздирали внутренние смуты. Честолюбивые или непокорные князья платились жизнью среди непрерывной борьбы; мстителями за них немедленно являлись более или менее близкие родственники. Воинственный и предприимчивый дух людей той эпохи плохо мирился с требованиями мальтузианской теории. Правда, периодический передел земель представлял собой крупные неудобства. Но численность участников этого дележа, естественно, вызвала стремление расширить границы государства; с другой стороны, кровная связь князей этой многоветвистой династии содействовала укреплению и развитию национального единства в государстве, находившемся в процессе образования и заселявшем все новые и новые области. Вот почему русские князья всегда стремились оставить при себе возможно большее потомство; вот почему в шутовском прозвище «Большое Гнездо», данным одному из них, они не видели ничего обидного.

Однако уже в первой половине XVI века жизненные силы московской династии начали иссякать. В эту пору великим князем был Василий III. В жилах его текла кровь византийских императоров: как известно, он был сыном Софии Палеолог. В браке его с Соломонидой Сабуровой эта кровь слилась с чисто русской кровью. Но подобный союз не оправдал и самых скромных надежд. Миновало двадцать лет брачной жизни Василия с супругой; однако дом его все еще оставался бездетным. Неужели скипетр великого князя должен был перейти к братьям Василия? Последний считал их не способными к правлению, и тут ему было нечем похвалиться. Нет, такой исход отнюдь не мог удовлетворить Василия. Политический расчет и непосредственное чувство внушали ему убеждение, что единственно достойным преемником его может быть только сын. Эта мысль сделалась у него своего рода манией; совершенно естественно, что он решил, наконец, принять практические меры, чтобы осуществить свои желания и стать отцом. Сначала было назначено официальное следствие, которое должно было выяснить причины бесплодия злополучной великой княгини. Разумеется, все это кончилось ничем. Только один вывод напрашивался сам собой: всякому было очевидно, насколько бессильны те зелья и колдовства, которые считались в Москве, наилучшим средством против всякой напасти. Легко можно было предвидеть, что дело Сабуровой разрешится самым грубым насилием. В позднейших летописях, сообщающих об этих событиях, мы находим, несомненно, тенденциозные вставки: во всяком случае, они тщетно пытаются набросить на всю эту историю покров поэтического вымысла. По их свидетельству, великий князь изливал свою скорбь в трогательных жалобах; с завистью смотрел он на птиц, сидящих на своих гнездах, и на рыб, стаями гуляющих в глубине вод. Он говорил, что чует вокруг себя трепетание жизни: все волнуется, все поет, все расцветает... За что же он один лишен радостей отца? То был лукавый вопрос, и придворные Василия, не слишком озабоченные соблюдением его супружеских клятв, принялись нашептывать ему желанные советы. Они напоминали ему о бесплодной смоковнице, которая иссекается; они говорили о необходимости заменить ее другой, способной цвести и приносить плод... Как легко было угадать истинный смысл этих внушений! Во всяком случае, если Василий действительно слушал этих мудрых «садоводов», он, очевидно, понял прекрасно их уроки. Дальнейший ход событий всем известен. Великий князь развелся с Соломонидой

Сабуровой; несчастная была насильно заточена в монастырь. Затем, вопреки правилам Церкви, Василий сочетался браком с княжной Еленой Глинской. На этот раз судьба исполнила желания князя-двоеженца. В 1530 году он стал отцом Ивана IV.¹

Оставляя в стороне всякие юридические формальности, нужно было признать, что новый «порфирородный», в сущности, не является ни законным наследником трона, ни подлинным потомком Рюрика. Плод прелюбодейного союза, Иван рожден был еще при жизни первой супруги великого князя. Таким образом, на нем лежала двойная печать греха и отвержения. Ввиду этого отец его постарался, насколько возможно, прикрыть вопиющее нарушение закона. На помощь себе он призвал авторитет высшего духовенства и все обаяние церковного обряда. К великому негодованию неподкупного Вассиана и Максима Грека, митрополит Даниил пошел навстречу настоятельным желаниям князя: он признал законным развод Василия с Соломониной и торжественно благословил его клятвopепреступный союз с Еленой Глинской. Этого было совершенно достаточно в глазах массы, которая не слишком вникала в дело. Впрочем, и сами бояре не устояли перед соблазном и признали совершившийся факт. Таким образом, главные возражения были устранены, и детище Василия могло спокойно пользоваться правами и почестями, приличествующими великокняжескому сыну. При этих условиях московской династии уже не грозила опасность вырождения.

Нет нужды воспроизводить здесь всю историю Ивана IV и его отношений с Римом. Читатели помнят о тех злополучных войнах, которые вел Грозный с польским королем Стефаном Баторием; они не забыли, вероятно, как заискивал московский царь перед папой Григорием XIII. Как известно, эта политика завершилась вмешательством римской курии в дело борющихся сторон, затем последовал богословский турнир Ивана с Поссевином. Теперь Грозный должен быть обрисован нами с иной стороны. Он истреблял своих ближайших родственников, кровожадные инстинкты его ускорили гибель московской династии. Попытаемся же изобразить здесь губительную работу этого венценосного палача в кругу своего собственного дома.

Мучимый боязнь потерять скипетр, Иван повсюду видел соперников и предателей. В мрачную пору опричнины эта подозрительность Грозного еще усилилась. Тогда он вступил на путь кровавых казней. Более всего сомнений возбуждал в нем его двоюродный брат Владимир, сын Андрея Ивановича. Долгое время Иван не решался открыто поднять на него руку. Но наконец его колебания прекратились. На голову князя Владимира и обрушился первый удар.

В правление матери Ивана, Елены Глинской, у князя Андрея были какие-то нелады с нею. Правительница заподозрила его в честолюбивых замыслах, и ему пришлось поплатиться за это тюремным заключением. Эту участь разделил с ним и его сын Владимир. Впрочем, пробыть в тюрьме обоим пришлось недолго. За них вступились бояре и высшее духовенство, и на Рождество 1541 года узники были освобождены. Над всем этим неприятным происшествием, казалось, был поставлен крест. В свое время Владимир унаследовал права отца и получил в удел Старицу. В довершение всего, он принял участие в завоевании Казани — этом великом деле царя Ивана.

Раскинувшись по берегам Волги и Камы, татарское царство препятствовало внешнему росту Московской державы и преграждало ей путь в Азию. Московское

правительство поклялось сокрушить эту твердыню мусульманства: в 1552 году его мечта наконец осуществилась. Татары оборонялись с решимостью отчаяния: город удалось взять приступом лишь после продолжительной осады; разумеется, штурм сопровождался ужасной резней. Во всяком случае, победа царя над «басурманами» громким эхом прокатилась по русской земле. Падение Казани стало излюбленным предметом народного творчества; конечно, это событие было богато изукрашено поэтическим вымыслом. А между тем князь Владимир был одним из главных героев войны с Казанью. Имя его гремело по рядам московской рати; его подвиги, естественно, привлекали к нему сердце народа. Все это не могло не возбудить ревнивых и завистливых чувств в душе Ивана, и без того склонного к болезненной подозрительности. На следующий год отношения царя к князю Владимиру приняли еще более натянутый характер. Дело в том, что в критический момент национальный герой превратился в явного соперника своего государя.

Несколько месяцев спустя после своего блестящего похода на Казань царь Иван был внезапно постигнут какой-то ужасной болезнью: перед подобными недугами терялась медицинская наука XVI века. В тогдашнем обиходе эту болезнь называли не очень точным именем «огневица»: быть может, то была форма злокачественной лихорадки, которая принимала тем более жестокий характер, чем сильнее был организм больного. Так или иначе, положение Ивана очень скоро стало в высшей степени серьезным. Появились тревожные симптомы, предвещавшие близость рокового конца... Тогда-то, невзирая на предсмертные муки царя, не дожидаясь, пока корона сама спадет с его головы, приближенные Грозного начали жестокую борьбу из-за власти у самого его ложа.

Создалось крайне затруднительное положение. У царя не было сына, который мог бы немедленно принять бразды правления. Наследником Грозного был грудной младенец, а между тем именно ему желал умирающий государь передать свою власть.² Но люди, пережившие регентство Елены Глинской, со страхом думали о таком исходе. Они слишком хорошо помнили смуты и насилия этого времени; они боялись, как бы при малолетнем царе им не пришлось поступаться своим достоинством. Матерью наследника была Анастасия Романова; к ней, естественно, переходила и власть правительницы: было очевидно, что всему ее роду будущее сулит господствующую роль в жизни государства. Правда, Романовы принадлежали к лучшим людям тогдашнего общества; у них были блестящие родственные связи; они всегда отличались умом и энергией, почему им и поручались самые ответственные должности. Но они не принадлежали к избранному кругу древней знати: они представляли собой, скорее, новую аристократию, возвеличенную милостями государей и собственными заслугами. Гордым Рюриковичам не хотелось подчиниться потомству каких-то Кошкиных и Кобылиных, а вместе с ними признать над собой олигархию новых бояр. В сущности, на помощь этой гордой знати приходило и обычное право древности: оно отдавало предпочтение дядьям перед племянниками, так что законным наследником признавался не ближайший прямой потомок, а старший представитель рода в боковой восходящей линии. На стороне князя Владимира было именно это юридическое преимущество. Таким образом, самими обстоятельствами ему создавалась роль естественного вождя оппозиционной партии.

Как сказано, борьба из-за наследства Грозного завязалась тотчас же, как об-

наружилась опасность, угрожающая жизни государя. Но крайней своей силы она достигла тогда, когда Иван потребовал от приближенных, чтобы они принесли его младенцу сыну присягу в верности. К этому требованию бояре отнеслись самым серьезным образом. Одни подчинились ему добровольно; но нашлись и такие, которые отказались выполнить волю царя; при этом они и не думали скрывать свои истинные побуждения. Конечно, прославленная добродетель царицы Анастасии устраняла всякие сомнения во всем, что касалось ее одной; но, по заявлению непослушных бояр, они не желали служить Романовым. Во всяком случае, говорили они, лучше иметь государем взрослого человека, нежели ребенка. Поведение самого князя Владимира придавало особую силу этим намекам. Предприимчивый соискатель престола не дремал, он совещался с матерью, старался привлечь на свою сторону возможно больше людей и, кажется, не жалел для этого денег.

Два дня продолжалась эта борьба. Как только к умирающему царю возвращались силы, он заклинал верных бояр хранить его малолетнего сына и не давать никому лишить его престола, даже если бы это угрожало им изгнанием. Против непокорных бояр он был пока беспомощен: он только грозил им судом Божиим. Однако, по-видимому, начались какие-то переговоры у ложа умирающего царя. Закулисной стороны их мы, к сожалению, не знаем. Во всяком случае, оппозиция пошла на уступки и, в конце концов, целовала крест царевичу. Пришлось подчиниться и Владимиру. Сперва, правда, он явно уклонялся от непосредственного участия в деле; но волей-неволей и он принужден был подписать тягостное обязательство.

И вдруг умирающий воскрес. По-видимому, реакция его могучего организма была тем энергичнее, чем сильнее была болезнь. Напрасно торопились бояре строить свои расчеты на смерти Ивана: перед ними восстал беспощадный мститель. Его сына хотели лишить престола; его собственной гибели добивались злые люди!.. Грозный никогда не позабудет этого. Конечно, он примет свои меры против виновных.

На первых порах он потребовал от Владимира Андреевича, чтобы тот искупил свою вину, выдав царю грамоту с изъявлением полной покорности и за надлежащей подписью и печатью.

В 1554 году у Ивана родился второй сын; тогда он удвоил свою бдительность. Пришлось Владимиру Андреевичу выдать новое письменное обязательство — не выезжать из Москвы; одновременно он принужден был сократить число своих слуг и обещать царю неукоснительно доносить ему о всякой измене — если бы даже замыслила ее собственная мать его, Евфросиния. После нескольких лет затишья произошло новое событие. Оно явно было подготовлено заранее и вызвало со стороны царя целый ряд строгих мер. Владимир Андреевич посадил в тюрьму одного из своих слуг. Тот обратился с жалобой к царю, обещая разоблачить ему все злые дела своего господина. В Москве подобные доносы были обычным явлением; сам Грозный умел, как никто, инсценировать их и пользоваться этим для своих целей. Началось следствие; стали производить розыск: в конце концов открыли все, что было нужно. Князь Владимир Андреевич был объявлен виновным. Царь созвал высшее духовенство и изложил ему все свои жалобы и обиды. Его речь была полна угроз, но потом он как будто поддался увещаниям и оставил намерение наказать преступника самым жестоким образом.

Тем не менее он окружил Владимира Андреевича новыми слугами. В сущности, то были шпионы, которые не покидали несчастного ни на шаг. Грозный на этом не остановился. Он отнял у Владимира Андреевича наследственные владения и поселил его в Кремль, чтобы не упускать его из виду. Все это произошло в 1563 году. Окончательная развязка последовала лишь шесть лет спустя.

В ту пору царяла опричнина. Москва была охвачена ужасом. Кровь текла ручьями. Казни обрушивались на самых именитых людей. Неумолимый и бесстрастный, Грозный творил самые ужасные злодеяния. Очевидно, убийства не только оправдывались политическими расчетами царя, но и тешили его дикие инстинкты. Князь Владимир был слишком заметен, слишком близок к трону, слишком знаменит своими заслугами. Мог ли он избегнуть удара? Гибель его ускорила восторженный прием, оказанный князю костромичами. Дело в том, что на границе государства показались татары. Владимир уже собирался стать во главе войска, чтобы отразить набег степных кочевников. Население Костромы горячо приветствовало того, кто мог предотвратить великую беду. Грозный тотчас же воспользовался этим. Представители Костромы были вызваны в Москву: здесь, без суда, их предали казни. Что касается самого Владимира, то царь милостиво пригласил его приехать со своей семьей в Александровскую слободу. Здесь, в этом мрачном притоне убийств и оргий, несчастного князя ожидала коварная ловушка. Впрочем, с этого момента традиционная передача событий окрашивается оттенком легенды. Одни свидетели утверждают, что Владимир Андреевич сам сделал первый шаг к своей гибели: он подкупил царского повара и тайком вручил ему яд. По другим показаниям, все это было гнусным вымыслом самого Ивана, который, очевидно, стремился найти предлог для того чтобы подвергнуть своего двоюродного брата заранее придуманной казни. Таким образом, Владимиру, его жене и обоим сыновьям пришлось выпить яд, предназначавшийся будто бы для государя. Во всяком случае, достоверно одно: все четверо погибли насильственной смертью. Уцелели только две малолетние дочери несчастного князя.

Пролитая кровь опьянила Грозного. Тотчас после казни Владимира Андреевича с семьей ненасытная месть Ивана обрушилась на мать князя Старицкого. Некогда княгиня Евфросиния была действительно заодно с сыном; поэтому она и делила с ним его горькую судьбу. Но после того она удалилась от мира и уже давно замкнулась в монастырь. Однако стены обители не защитили ее от подозрительности Грозного. Не избежала жестокой смерти престарелая Евфросиния! Иван не слишком заботился о том, виновата она или нет: по его приказанию, несчастную утопили в Шексне. Река поглотила труп княгини, единственным преступлением которой было то, что она родила на свет ненавистного Ивану человека.

Так, в самый короткий срок, сошла с исторической сцены целая линия древнего дома Рюриков. И кто же обрек ее на столь жестокое истребление? Отпрыск того же самого могучего корня... Что же побудило его к этому злодейству? Был ли это кровожадный каприз тиранической природы? Был ли неумолимый расчет холодного политика? Мы знаем, что царь Иван IV был глубоко проникнут династической идеей. Он постоянно хвалился своим знатным происхождением: по видимому, совершенно серьезно он считал своим предком самого кесаря Августа... Вспомним, с каким великолепным презрением относился он к таким вы-

скочкам, как, например, Стефан Баторий. Но Грозный был убежден, что власть дана ему Божьим позволением, а не мятежным желанием людей. Передать этот священный дар он мог, по его мнению, только прямому своему наследнику. Всякий другой соискатель царства — будь он такой же Рюрикович — являлся в его глазах не более как самозванцем. Вот почему, не колеблясь, он и обрекал его в жертву своей себялюбивой политики. Несомненно, Иван был проникнут заботой о будущем и вместе с тем самым ревнивым образом охранял свое царственное величие. Однако им владели дикие страсти. Поэтому порой он терял самообладание; кровь бросалась ему в голову. Тогда Грозный забывал и о своем достоинстве государя, и об интересах своей династии. В 1581 году, в припадке гнева, он занес свой страшный посох на собственного сына, царевич замертво упал к ногам отца. Как известно, вскоре затем в Москву прибыл Поссевин; от него мы узнаем страшные подробности этого события. А между тем и по своему уму, и по годам старший сын Ивана был единственным лицом, которое могло бы принять наследие Грозного. После его гибели преемниками царя оставались двое других сыновей. Один из них был слабоумный; другой находился еще в младенческом возрасте. По праву старшинства, на трон вступил «скорбный главой» царевич Федор.

II

Отныне судьба Московского государства была вверена жалкому выродку. Царь Федор Иванович был не более как видимостью царя на престоле Грозного. В сущности, он являлся только манекеном: всю полноту власти он передал шурина своему, Борису Годунову. Это был один из старейших опричников; он едва умел читать и писать. Но в лице его своеобразно сочетались способности государственного человека с влечениями азиата-татарина. Возведенный в звание ближнего боярина при царе Федоре, Годунов ревниво сторожил московский престол. В решительный момент, после смерти Федора Ивановича, ему оставалось только протянуть руку к царскому венцу, который, казалось, был предназначен для головы этого смелого игрока. И, однако, тот же самый Годунов, мечтавший завещать престол своему сыну, собственными руками подготавливал победу нежданному сопернику. Мы сейчас убедимся в этом воочию, для этого нужно лишь напомнить о тех коварствах и борьбе, которыми полно было царствование Бориса.

Впрочем, Московский Кремль XVI века похоронил в своих стенах тайну всех этих мрачных драм. В недрах его кипели яростные битвы, об этом мы знаем по пролитой крови; однако чаще всего подробности этих событий ускользают от нашего глаза. Стремясь сохранить свое положение, Годунов роковой силой обстоятельств вынужден был следовать по пути Грозного; он отступал от него только тогда, когда страшная колея слишком явно увлекала его в область кровавого безумия. Представитель королевы Елизаветы, Флетчер, справедливо заметил, что ярость Ивана IV направлялась главным образом против высшей знати, другими словами, против потомства прежних князей. В этой среде хранились свободолобивые предания; здесь жили притязания, с которыми волей-неволей приходилось считаться московским государям. Иван стремился преодолеть, точнее говоря, сокрушить эту упорную силу прошлого; он понимал, что утвердить самодержавие можно лишь тогда, когда оно вознесется на недосыгаемую

для всех других высоту. Во имя этого он и погубил своего двоюродного брата, князя Владимира Андреевича. Борис Годунов отождествлял себя с личностью царя Федора. Он чуял врагов в старом, родовитом боярстве; он знал, что, уцелев от бурь эпохи Грозного, оно все еще живет преданиями своего блестящего прошлого и помнит о своих правах. Борьба продолжалась; но характер ее изменился. На Федора не посягал никто; вся злора, вся ненависть направлялись против того, кто фактически царствовал в Москве. Дело шло о господстве Годунова; конечно, он готов был на все, чтобы победить.

Одной из первых жертв нового порядка явился старый князь Иван Мстиславский. Это был представитель древнего рода, прославившийся на службе государству, где ему всегда принадлежало наиболее почетное место; он пользовался всеобщим уважением, в котором не отказывал ему даже Иван IV. Опала князя Мстиславского была только первым предостережением. Гораздо серьезнее оказалось громкое дело Шуйских.

Борьба Годунова с Шуйскими происходила на очень скользкой почве. Дело в том, что, независимо от своих личных качеств, Борис был в значительной мере обязан своим возвышением сестре Ирине, супруге царя Федора. Была ли она влиятельна во дворце или нет — не так важно; достаточно того, что сердце государя принадлежало ей; и, конечно, Годунов умел извлечь свою выгоду из этой привязанности. Только одно омрачало тихое счастье царственной четы: у Ирины не было детей. Однако надежда на потомство не оставляла супругов. Они ждали его терпеливо; королева Елизавета прислала им из Лондона врача и бабуку... Но враги Бориса не дремали. Они замыслили развести царя с женой и сочетать Федора новым браком; согласно обычаю Ирина должна была уйти в монастырь. Для осуществления задуманного плана они рассчитывали привлечь на свою сторону народ; затем, вместе с ним, они намеревались ударить царю челом и просить его пожертвовать во имя государства своим семейным счастьем. Разве дед его, Василий, не развелся с первой женой? Разве не вступил он в новый брак? Почему же Федору не последовать его примеру? Ведь все будущее Русской державы висит на волоске. Нетрудно угадать, каковы были истинные расчеты этих людей. Конечно, удаление Ирины повлекло за собой падение Бориса; таким образом, одним и тем же ударом достигались сразу две цели: династия была бы спасена от гибели, а ненавистный временщик был бы устранен с дороги.³

Душой заговора были, по-видимому, князья Шуйские, Рюрикoviчи по крови. Владевшие некогда Суздалем, они, конечно, затмевали Годунова блеском своего происхождения. Наследственные права дома Шуйских были известны даже за пределами Руси; мы знаем, например, что великий канцлер Польши не задумался признать их публично. «За отсутствием прямых наследников престола, — заявил Замоиский на сейме 1605 года, — наибольшие права на трон московский принадлежат князьям Шуйским». К знатному происхождению этой семьи присоединились заслуги ее перед отечеством, и все это озарилось блеском несметного богатства, заключавшегося не только в движимости, но и в обширных земельных владениях. Конечно, у Шуйских были могущественные связи: сторонников этого княжеского рода можно было найти во всех слоях тогдашнего общества, начиная с высшей знати и кончая простыми людьми. Таким образом, в заговоре против Бориса принимали участие самые разнообразные слои населения. Здесь были и представители духовенства, и бояре, и купцы, и черный городской